Скорее пикет, чем инсталляция: мемориал глазами политического антрополога

Рец. на: Громов, Д. В. (2017). *Немцов мост: стихийная мемориализация.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Титков Алексей Сергеевич[1], [2]

✉ a-titkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1638-5737

[1]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Титков, А. С. (2019). Скорее пикет, чем инсталляция: мемориал глазами политического антрополога (рецензия на книгу Громов, Д. В. (2017). Немцов мост: стихийная мемориализация. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 376–390.

Rather a picketing than an installation: A memorial through the eyes of political anthropologist

A review of: Gromov, D. (2017). *Nemtsov Bridge: Spontaneous memorialization.* Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.

Alexey S. Titkov[1], [2]

✉ a-titkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1638-5737

[1]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Titkov, A. (2019). Rather a picketing than an installation: A memorial through the eyes of political anthropologist. A review of: Gromov, D. (2017). Nemtsov Bridge: Spontaneous memorialization. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. *Urban Folklore & Anthropology, II*(1–2), 376–390. (In Russian).

«Немцов мост» — исследование мемориала в честь политика-оппозиционера, выполненное Дмитрием Громовым, антропологом, признанным исследователем протестных уличных акций[1].

[1] Обозначение «Немцов мост» в книге используется как название мемориала, созданного в феврале 2015 года на небольшом участке Большого Москворецкого моста в Москве. Интервью с активистами мемориала и материалы включенного наблюдения, послужившие основой книги, относятся к 2015–2016 годам, преимущественно к первому году существования мемориала.

Громов прямо заявляет (с. 82) о преемственности своей новой работы с более ранним исследованием политического активизма [Громов 2012], принесшим ему степень доктора наук. Авторская модель «социальной драматургии», названная так по аналогии с теорией раннего Ирвинга Гофмана [Гофман 2000], на этот раз применяется к новому классу объектов — стихийным мемориалам, «относящимся к сфере политического». Мемориал в новом исследовании, как и политическая акция в более раннем, понимается прежде всего как разыгрываемый его создателями социальный спектакль (перформанс) с определенным сообщением.

В исследованиях стихийной коммеморации автор находит себе союзников, разделяющих его главные интуиции. Для Дмитрия Громова современная культура спонтанной мемориализации представляет собой часть более широкого процесса — развития новых форм индивидуальной и групповой самопрезентации (с. 152). Акты спонтанной мемориализации понимаются им как «спектакли горя» (performances of grief), символические высказывания, построенные по правилам «театральной» самопрезентации (с. 150). В разработках Джека Сантино, Петера Маргри и Кристины Санчес-Карретеро [Santino 2010, Margry, Sánchez-Carretero 2011] автор обнаруживает близкий ему набор тезисов, тоже исходящих из логики символического высказывания (перформанса). Идеи, «высказанные» в мемориалах, сводятся к двум типам: собственно мемориальные (коммеморативные), выражающие скорбь о погибших, и социально-политические, связанные с проблемами, которые вызвали трагедию. Ритуальные действия, которые совершаются на стихийном мемориале, также могут быть связаны или с поминовением умерших, или с выражением «информационного посыла», выраженного трагедией. Соотношение коммеморативного и социально-политического содержания для каждого конкретного случая различно. Политическая составляющая возникает, как правило, в случаях, когда трагедия произошла из-за чьей-либо злой воли (убийство, акт террора) и «накладывается на существующие... социально-политические проблемы»; и наоборот, скорбь преобладает в случае смерти от болезни, несчастного случая, природной катастрофы — причин, мало связанных со злой волей отдельных людей (с. 145–146, 147). Обязательная составляющая каждого стихийного мемориала — группа, заинтересованная в его создании и поддержании, включая, как важный особый случай, коллективы добровольцев, которые берут на себя функции координаторов, поддерживающих мемориал. В случае, когда погибшие принадлежали к определенной общности (политическому движению, субкультуре и др.), мемориал становится ее самопрезентацией. Участвуя в коммеморации, группа конструирует образ умершего и события смерти в соответствии со своими ценностями и потребностями (с. 146–147).

Автора «Немцова моста» интересуют, очевидным образом, прежде всего мемориалы, «относящиеся к сфере политического», когда

«коммеморация оказывается реакцией на неразрешенность политических проблем» (с. 173). Обзор «политических» стихийных мемориалов в постсоветской России — от мемориалов погибшим защитникам Дома Советов в 1991 и 1993 годы, до коммеморации москвичей, убитых в 2010–2013 годы кавказскими мигрантами — помогает автору выделить черты, характерные именно для такого типа мемориализации. Длительные («в перспективе нескольких лет») мемориалы и/или регулярные поминальные акции возможны в случаях, когда политическая проблема, затронутая убийством, остается нерешенной. Мемориал и поминальные действия могут восприниматься противниками как продолжение конфликта, в таком случае участники коммеморации сталкиваются с агрессией противников или запретами со стороны властей (с. 164–166).

«Немцов мост» выделяется из других стихийных мемориалов двумя главными отличительными чертами: (1) мемориал «подвергается постоянному давлению со стороны власти», несколько десятков раз он разрушался и создавался заново; (2) на мемориале организовано непрерывное круглосуточное дежурство (с. 158, 173). Автор подчеркивает, что оба параметра напрямую связаны: «если бы не было разгромов на Большом Москворецком мосту, не было бы и мемориала в его нынешнем виде» (с. 158, 173). Главную исследовательскую задачу работы можно увидеть, в конечном счете, в том, чтобы описать и объяснить эти отличительные особенности мемориала. На мой взгляд, решить ее удалось частично: этнографическое наблюдение схватило что-то важное, заставляющее задуматься, но теоретический язык, предложенный автором, пока дает лишь грубое приближение к этому важному «что-то».

Перформанс или взаимодействие?

Понять свой предмет Дмитрий Громов пытается с помощью двух подходов, использованных по очереди в двух частях книги: традиционной этнографии сообществ (главы I–III) и авторской схемы «акции как высказывания» (главы IV–V). Последняя в монографии 2012 года была выражена в модели «социальной драматургии», а теперь, для новой задачи, доработана до концепции «символического интеракционизма».

Сразу стоит уточнить, что разработки Громова имеют мало общего с одноименными теориями раннего Ирвинга Гофмана и Герберта Блумера, несмотря на все заявления автора о преемственности с ними. Модель «социальной драматургии», которую Громов трактует как «схему... основанную на теории Гофмана, расширенной для групповых действий» (с. 150), после авторского «расширения» заметно уходит от проблематики повседневных ситуаций, интересовавших Гофмана в «Представлении себя другим», и приближается, скорее, к «социальному перформансу» в культурсоциологии Джеффри Александера и Бернарда Гизена [Alexander, Giesen, Mast 2006]. Последние, вопреки утверждению Дмитрия Громова, вряд ли могут считаться «последователями Гофмана» (с. 82), но преемственность культурсоциологии с работами Уильяма Уорнера, Виктора Тернера и

Клиффорда Гирца делает ее близким союзником социальных и культурных антропологов.

Главное отличие «символического интеракционизма» Громова от привычной теории Блумера [Блумер 2017] обнаруживается в том, что в исследовании мемориала Немцова вне авторского интереса оказываются именно *взаимодействия*. Автор «Немцова моста» убедительно реконструирует социальный перформанс, разыгрываемый активистами, и, говоря языком Джеффри Александера, контрперформансы их политических противников, — и почти не замечает ситуативных взаимодействий, важных для микросоциологии. В предложенной картине есть «фреймы» и «дискурсы» участников, но нет *разговора*, который увидел бы исследователь-интеракционист.

Наглядным примером «слепого пятна» на месте социальных интеракций служит авторский анализ одной из стычек между дежурными «Немцова моста» и активистами «антимайданной» группировки SERB, сделанный по шестиминутной видеозаписи телеканала «Дождь» [Около мемориала… 2016, 13 июня]. Мы видим в нем, по сути, выступление только одной стороны: активисты SERB обвиняют дежурных моста в русофобии и алкоголизме, поют «Вставай, страна огромная!», предлагают повязать георгиевские ленточки, советуют перенести мемориал с моста на кладбище (с. 66–68). Дежурные в этой реконструкции практически невидимы, их ответные реплики не приводятся. Логика эпизодов взаимодействия выпущена как неважная. Исследователи интеракционистской традиции увидели бы в том же самом сюжете именно взаимодействие, сложно устроенное и динамично упорядоченное:

– Товарищ капитан, вот этот майдаун нападает на людей.
– Вы сами. Уберите провокатора.
– Не стыдно сейчас? Ты видел, что происходило.
– Вот этот майдаун нападает на людей.
– А ночью кто нападает? Кто нападает, а? [Около мемориала… 2016, 13 июня].

Сплетение разнонаправленных реплик, превращение отдельных ходов в общую игру — такие явления, важные для интеракционистов, в предложенной реконструкции, как мы видим, просто выносятся за скобки. Иначе говоря, блумеровский интеракционизм и подход Дмитрия Громова скорее дополняют друг друга, фокусируясь на разном, чем обнаруживают какую-либо общность.

Конфликт интерпретаций

Для нас, конечно, важнее, не сходство или различие с блумеровским интеракционизмом, а собственный положительный смысл, который автор придает «интеракционизму». В ключевой главе IV «Немцов мост как место символической интеракции», а затем в заключительных тезисах, мы находим следующие элементы.

Интеракция обнаруживается в конфликте вокруг мемориала: «на наличие именно интеракции указывает парадоксальное утверждение,

постоянно встречающееся в интервью с активистами мемориала: беспрецедентно долгое существование мемориала обусловлено, помимо прочего, репрессиями против него»; «мы видим, что интеракция... является важным условием существования мемориала; без конфликта не было бы круглосуточных дежурств и мемориал не сформировался бы в его нынешнем виде» (с. 119–120). Интеракция предполагает множественность интерпретаций: «она есть, потому противники мемориала также активно создают интерпретации» (с. 131–132). Интеракция осуществляется субъектами скорее коллективными, чем индивидуальными. В изучаемом случае «интеракция осуществляется между активистами, поддерживающими память о Немцове, и акторами, представляющими «власть» вследствие должностных обязанностей, идеологических позиций» (с. 170): ко вторым относятся официальные СМИ, «антимайданные» группы, «Гормост», полиция и др. (с. 83–85). Интеракция происходит в определенных дискурсах, которых в нашем случае выделяется три: политический, дискурс смерти и дискурс закона; каждый дискурс «обеспечивает код интерпретации событий» (с. 86).

Из первой «этнографической» части книги выясняется, что участники взаимодействия располагают не только «дискурсами», но и «фреймами» (с. 62–77). Автор не определяет как следует ни «дискурсы», ни «фреймы», ни различия между ними, но из сравнения соответствующих разделов разницу, кажется, все-таки можно уловить. И фреймы, и дискурсы представляют собой упорядоченные способы интерпретации, но при этом «фреймы» привязаны к определенному коллективному актору, тогда как дискурсы представляют собой общий репертуар разных акторов, с помощью которого они могут общаться и приходить к согласию. Фреймов автор выделяет три: либеральный фрейм активистов мемориала, в рамках которого он выступает «символом памяти и свободы» (с. 62); фрейм идейных противников мемориала (организации SERB, НОД), в котором мемориал связывается с угрозой «цветной революции», а его создатели подозреваются в корыстных мотивах (с. 63–75); хозяйственно-административный фрейм городских властей и муниципальных служб (с. 75–77).

Дискурсы, в свою очередь, создают репертуар возможностей, к которым может обращаться каждый из акторов. Активисты «Немцова моста» могут определять свою деятельность или в политическом дискурсе, или в связанном с дискурсом смерти экзистенциальном и нравственном ключе (с. 123, 130). Разделяемый с другими акторами дискурс смерти позволил активистам мемориала согласовать с городским правительством траурный марш 1 марта 2015 года в центре города, благодаря ему же отношения с полицией стали более терпимыми, чем где-либо на политических акциях в городе (с. 121–122). Дискурс закона (безопасности, санитарных норм и др.) служит общим языком в переговорах активистов с городскими службами; он же подсказывает активистам, в каких ситуациях они должны ограничивать свои действия в обмен на «юридическую неуязвимость» (с. 134–141). Наблюдения

Дмитрия Громова содержат ряд ярких примеров такого подстраивания под «дискурс закона»: дежурные прикрепляют российский флаг древком к переносному стулу, а не парапету моста, чтобы флаг не попадал в зону ответственности «Гормоста»; во время дождя дежурные не пользуются пленочным тентом, чтобы ФСО и полиция не приняли его за «палатку» (и, следовательно, «майдан»); цветы для мемориала расставляются в пластиковые вазы, как в цветочном магазине, потому что неупорядоченная гора цветов, типичная для стихийных мемориалов, вызывала претензии с точки зрения безопасности («террористы могут спрятать бомбу») и могла стать, как «мусор», лишним поводом для «зачистки» мемориала сотрудниками «Гормоста» (с. 135–136, 138–139).

Наконец, важные акценты «интеракционистского» понимания мемориала обнаруживается в моменты, когда автор обращается к своей более ранней модели «социальной драматургии». Схема, применявшаяся для описания и анализа коллективных политических акций, предполагала в них, кроме «информационного посыла» для внешнего адресата, наличие зрителей, сценария, стратегии, тактики, декораций, реквизита, ведущего, критиков, исполнителей (с. 82). Напоминая о ранней модели, автор сразу оговаривается: «традиционные акции», например, шествие 1 марта 2015 года, легко описываются с помощью такой схемы, но мемориал Немцова, «являясь новацией, несколько выходит за эти рамки» (с. 82).

Заключительное описание мемориала с помощью схемы «социальной драматургии» (с. 171–172) позволяет нам увидеть, где именно схема, кажется, перестает работать. Автор без проблем определяет исполнителей («активисты при поддержке добровольных жертвователей»), реквизит («предметы, составляющие мемориал»), декорации («место, нагруженное символическими смыслами, высокостатусное, красивое»), но уже не так уверенно себя чувствует, описывая сценарий: «концепция [мемориала] основана на драматическом сценарии, но драматическое действие заменяется символически насыщенным круглосуточным... добровольным дежурством» (с. 171). Ответ на вопрос, считать ли сценарий мемориала «драматическим действием» или нет, будет прежде всего зависеть от того, как мы будем определять «сценарий» и его «авторов». Видеть в сценарии мемориала «монолог» активистов моста или считать «соавторами» сценария также «Гормост», полицию, «антиоранжевые» группы и др. — вот, пожалуй, один из решающих моментов в интерпретации событий вокруг мемориала.

Переход к «интеракционисткой» модели предполагает, судя по всему, интуитивную идею акции со сложным сценарием, в котором сталкиваются фреймы и дискурсы разных исполнителей. Найти к ней подход, дать подходящее описание, — может быть, самый серьезный вызов, который мы можем увидеть в книге.

Сообщество или ситуация?

Первая часть книги (главы I–III), как мы помним, не привязана специально к идее «перформанса» или «интеракции» и ориентируется скорее на традиционную этнографию сообщества с описанием его морфологии, ценностей, ритуалов, совместных практик и др. Для проблематики «мемориала как высказывания» эта часть интересна прежде всего как описание группы, благодаря которой мемориал существует.

История мемориала (глава I) делится на несколько периодов, заданных главными критическими точками: убийство Немцова (27 февраля 2015), первые нападения на мемориал (24–28 марта), сороковой день (7 апреля). В первый период, от убийства до первых нападений на мемориал, на месте гибели появляются цветы, проходит многотысячный траурный марш (1 марта), складываются группы активистов, поддерживающих порядок на мемориальном месте (с. 9–15). Во второй период, от первой «зачистки» мемориала «неизвестными мужчинами в штатском» (28 марта) до дня сороковин (7 апреля), начинаются круглосуточные дежурства, на короткое время возникает молодежная культура «рыцарей моста» с особым «рыцарским» стилем: закрытые лица, темная одежда (с. 15–18, 30). После поминального сорокового дня (7 апреля) и произошедшего в эту же ночь нового разрушения мемориала небольшая сплоченная группа активистов решила продолжить круглосуточные дежурства. В следующие полгода сложился привычный теперь режим регулярных разрушений и восстановлений мемориала (с. 19–21).

Один из важных выводов, который можно сделать из исторического очерка — различная динамика присутствия людей и вещей на мемориале. В предложенных в книге терминах можно сказать, что в первый период мемориал был «скорее инсталляцией, чем пикетом», во второй — пикетом и инсталляцией в примерно равной мере, а с третьего периода мемориал переходит к форме, которую фиксирует автор по результатам исследования: «скорее пикет, чем инсталляция» (с. 118). Первая форма («скорее инсталляция») типична для большинства стихийных мемориалов, вторая существовала краткое время на пике мобилизации. Третья («скорее пикет») представляет собой особый режим существования, отличающий мемориал Немцова от множества других.

Сообщество, ритуалы, вещи — каждый из элементов этой формы описан достаточно полно и дотошно. Сообщество дежурных моста составлено из двух относительно автономных групп: участников движения «Солидарность» и самоорганизовавшихся беспартийных волонтеров. «Солидарность» (30–40 человек) дежурит в субботу-воскресенье, группа волонтеров (20–25 человек) в остальные дни (с. 30–34). Одно из отличий между группами автор обнаруживает в их мотивации: «беспартийные» дежурные чаще называют причиной своего участия эмоционально заряженный мотив мемориала как «последнего рубежа», который они должны отстоять; активисты «Солидарности», раньше включившиеся в политическую деятельность, высказываются менее эмоционально,

более прагматично (с. 52). Основной ритуал дежурных — «минута молчания» в 23:31 (момент убийства), которая с осени 2015 года проводится ежедневно. Некоторые ритуальные действия остаются инициативой отдельных участников: вывешивание каждое утро в соцсети фотографии мемориала или выкрикивание во время «минуты молчания» лозунга «Слава Немцову!» с ответом «Героям слава!» или «Слава! Слава! Слава!» (с. 38–39, 131). Вещи, составляющие мемориал: табличка «Немцов мост», табличка с количеством дней после убийства, портреты Немцова, флаг, который приходится защищать от полиции и «Гормоста», цветы, лампады; разнообразные предметы, которые приносят сочувствующие: листки со стихами, иконки, рисунки и др. (с. 39–40, 112–116). Пожертвования от сторонников тратятся на цветы, на теплые вещи для дежурных (с. 44–47). Дежурные, кроме встреч на мемориале, часто вместе ходят на оппозиционные политические акции, на судебные процессы по делам активистов (с. 43–44). Детали такого рода — нужные, но все-таки не ключевые для понимания.

Главное в существовании «Немцова моста» автор обнаруживает в критические моменты, когда материальная составляющая мемориала разрушается и его снова надо восстанавливать: «чтобы понять суть происходящего на мемориале, нужно внимательнее рассмотреть ситуации, когда мемориал полностью уничтожается... и на его месте не остается ничего» (с. 59). В таких случаях участники сообщества быстро находят замену дежурным, которых задержала полиция, сами дежурные из полицейского участка тоже возвращаются на мост и продолжают нести вахту. Мемориал с цветами и портретами восстанавливается за несколько часов, но даже в промежутки, когда мемориала нет, дежурство продолжается. «Стоять нужно всегда, даже когда нечего охранять. Мы охраняем память, а не замерзшие растения или мертвые портреты», — цитирует Громов одного из активистов (с. 60). К идее непрерывности мемориала активисты относятся, по выводу автора, «крайне щепетильно» (с. 61). «Именно поддержание непрерывного дежурства является наиболее важной частью мемориала; цветов и памятных предметов здесь может не быть, но присутствие людей — обязательно» (с. 118), — повторяет Громов свой тезис в части, посвященной «символическому высказыванию» мемориала. «Наличие на Мосту собственно людей... несущих здесь вахту», оказывается для автора «наиболее значимой частью» символического высказывания.

Итак, обе линии анализа, «этнографическая» и «драматургическая», приводят автора к одному и тому же решающему пункту: непрерывное дежурство, восстановление мемориала после множества разрушений. Главный феномен обозначен, осталось только понять, насколько полным и последовательным получилось его объяснение. Такое объяснение должно складываться, скорее всего, из двух главных переменных: природа сообщества, заинтересованного в репрезентации, и характер отношений («символической интеракции» по Громову) активистов мемориала с другими значимыми акторами. Другие переменные, похоже, отступают на второй план. «Особое место» мемориала в пространстве

города (с. 92–93) безусловно важно, но создает для мемориала прежде всего дополнительные риски, постоянную угрозу уничтожения. Материальное наполнение мемориала, как мы видели, слишком неустойчиво, чтобы быть объясняющей переменной. «Противоречия», «напряженность» и «неопределенность» в обществе, фиксируемые результатами опросов (с. 5, 87–92, 170) — величина слишком большого масштаба, чтобы влиять на устройство локального мемориала напрямую, без множества промежуточных звеньев.

Сообщество, важность которого подчеркивают и другие исследователи стихийных мемориалов (с. 146–147), в книге анализируется на двух уровнях: круг активистов, включенных в регулярные дежурства, и гораздо более многочисленные сторонники демократической оппозиции, приходящие на марши памяти Немцова.

«Большое» сообщество сторонников Дмитрий Громов изучает способом, привычным для культурной антропологии протестов: подсчетом и анализом лозунгов на маршах [более ранние опыты такого рода см.: Архипова, Алексеевский 2014, Титков 2016]. Количественный анализ построен, если упростить авторскую схему, на сравнении частоты лозунгов, в которых упоминаются: (1) убийство Немцова; (2) личность Немцова; (3) различные темы оппозиционной повестки: критика государственной власти, в том числе «государственного террора» и пропаганды, тема гражданской активности и тема Украины. Подсчеты приводят автора к выводу, что динамика изменений между 2015 и 2016 годами была двоякой. С одной стороны, сторонники Немцова на маршах стали относительно реже вспоминать его убийство и чаще обращаться к общим проблемам оппозиционной повестки, с другой — участники марша чаще используют портреты и цитаты Немцова: «формируется образ Немцова как «классика» протеста», «происходит апелляция к его опыту» (с. 100–110).

Самый спорный (если не придираться к технике анализа) момент авторской интерпретации — повторенный несколько раз тезис, что «коллективное высказывание траурного шествия... стало символическим продолжением высказывания самого Немцова» (с. 105, 106, 170–171). Обычная логика социальных исследований мемориализации, в том числе упоминаемых автором, предполагает обратное: образ и воспроизводимые в ходе коммеморации слова почитаемого покойника конструируются в зависимости от характера группы (с. 164–147). Примером конструирования, вызванного коллективной динамикой, можно считать, в частности, отмеченное Громовым превращение Немцова в авторитетного «классика протеста». Заметим, что похожий сдвиг зафиксировали, также из анализа лозунгов, исследователи группы «Мониторинг актуального фольклора» [Архипова и др. 2018]: «мы видим увеличение доли высказываний, в которых Немцов наделялся типичными героическими чертами и изображался как носитель идеальных качеств». Трактовка этой тенденции группой «МАФ» совпадает с привычной социологической логикой «потребностей группы»: «цитаты Немцова... дают участнику “новый голос”

для разговора с властью, а приписываемые Немцову "героические" качества наделяют этот голос символической ценностью» [Архипова и др. 2018].

Возвращаясь от характеристики «большого» сообщества сторонников Немцова к репрезентации ее ценностей и интересов на мемориале, мы сразу обнаруживаем контраст: на «маршах Немцова» политические плакаты и лозунги преобладают, на мемориале они сведены к минимуму. Едва ли не единственным способом (относительно) прямого политического высказывания, допустимого на мемориале, стали портреты Немцова с политически актуальными цитатами из его высказываний (с. 126–127). Причина превращения понятна: мемориал, чтобы выжить, должен сохранять формат мемориала, а не политического пикета, поэтому дежурные отсеивают любую не относящуюся к личности Немцова политическую агитацию (с. 42, 126). Такое несложное наблюдение означает, что главный акцент в объяснении мы должны сделать, как и автор исследования, на происходящих на мемориале локальных отношениях между агентами.

Конфликт или согласие?

Модель «интеракционизма», предложенная Дмитрием Громовым для объяснения природы мемориала, отличается, как мы видели, сильным акцентом на конфликте между активистами и представителями «власти» (см. параграф V.6 «Конфликт как стимул самоорганизации»), на различиях фреймов интерпретации событий. Конфликт, в частности, объясняет долговременное существование мемориала и постоянное присутствие активистов на нем: «без конфликта не было бы круглосуточных дежурств», «беспрецедентно долгое существование мемориала обусловлено... репрессиями против него»; «стимулом самоорганизации стали нападки на мемориал»; «агрессия против мемориала делает активистов более сплоченными» (с. 119–120, 172). Разумеется, объяснения в старом добром стиле Льюиса Козера [Козер 2000] «конфликт способствует сплоченности группы» хорошо работают в целом и кое-что объясняют в случае с мемориалом тоже. Почему такое объяснение недостаточно, становится понятно из простого соображения: речь идет о конфликте, в котором одна из сторон заведомо сильнее другой. «Мобилизация» и «сплочение» происходит в небольшой группе в несколько десятков человек, которая время от времени, например, в летние месяцы, испытывает нехватку людей для дежурств (с. 21, 31). Активисты моста принципиально безоружны, они не берут на дежурство даже разрешенные законом газовые баллончики (с. 139). На другой стороне конфликта — мощный полицейский аппарат, который уже не раз справлялся с гораздо более многочисленными массами мобилизованных активистов. Один только конфликт, без механизмов согласия, никак не может объяснить, почему при таком разительном неравенстве сил мемориал до сих пор существует.

Анализ согласия между «субъектами интеракции» вокруг мемориала в книге все-таки намечен, хотя и очень бегло. Обнаружить его можно в разделах, посвященных «дискурсам» взаимодействия, прежде всего, дискурсу смерти и дискурсу закона. Правительство города разрешает марш в центре, полицейские не трогают активистов на мемориале — примеры такого рода мы уже помним. Разбирая их внимательнее, мы обнаруживаем, что с ними все не так просто. Возьмем, прежде всего, соотношение двух «дискурсов»: почему в спорных ситуациях «дискурс смерти» оказывается, при прочих равных, сильнее, чем «дискурс закона». Разбирая в параграфе «Дискурс смерти» (V. 7) отношения полиции и дежурных, автор замечает: «ничто не мешает полиции расценить происходящее на мемориале как пикет и прекратить его... однако этого не делается... Мемориальный характер делает репрессии против активистов Моста затруднительными... думаю, что на первом месте здесь стоят доводы морального плана» (с. 122). Вопрос — почему? Авторская схема «дискурсов» на него, кажется, никак не отвечает.

Сравнительно простой способ учесть разный «вес» используемых дискурсов — обратиться к понятию сакрального, которое автор, бегло упомянув, сразу отбрасывает: «спонтанные мемориалы описываются многими исследователями как сакральные пространства... однако это положение подвергается критике как предполагающее излишний мистицизм; указывается на преобладающую значимость других функций коммеморации — в первую очередь, материализации эмоций и формирования социально-политического высказывания» (с. 148). В идущей от Эмиля Дюркгейма трактовке сакрального ничего «мистического» нет: сакральные вещи понимаются прежде всего как репрезентации групповых ценностей и эмоций; похожее значение предполагает, в частности, понятие «shrines» в трактовке Джека Сантино (с. 143).

Возможно, что подходящим образцом здесь могла бы стать культурсоциологическая модель политики, выделяющая в ней профанный уровень политических интересов и сакральный уровень базовых ценностей. Политическая динамика в такой модели выглядит как столкновение или чередование процессов сакрализации, связывания определенной проблемы с главными ценностями сообщества и рутинизации с возвращением к профанной политики интересов[2]. Символизация (сакрализация), связанная с темой смерти, представляет собой, вероятно, даже более простой сюжет для анализа в подобном ключе.

[2] Примером такого анализа служит, в частности, трактовка Джеффри Александером Уотергейтского кризиса 1974 года: каким образом расследование рядового, как казалось многим избирателям, инцидента в ходе президентской кампании превратилось в ритуал, обращенный к фундаментальным символическим квалификациям общества [Александер 2012].

Символы или материальность?

Более сложная интуиция, которую мы можем разглядеть в предложенной картине, связана с представлением о своеобразной пластичности мемориала, его способности менять свою форму под влиянием внешних условий, оставаясь при этом, в чем-то главном, тем же самым. Авторская схема «интеракционизма» здесь, кажется, опять недостаточна. Пластичность и подвижность мемориала хорошо передана в полевых зарисовках и куда-то пропадает в категориях «интеракционистской» модели.

Возьмем еще один пример, слишком хороший, чтобы не упомянуть его. В ходе «Прямой линии» 16 апреля 2015 года президент В. Путин в целом одобрительно высказался о мемориале Немцова, заметив, в частности: «Ну что такого, если люди приходят, икону положили или цветы? Если это никому не мешает, я не вижу здесь проблем». Президентская реплика сразу же изменила тактику работников "Гормоста" и, как следствие, внешний вид мемориала. До нее были, по словам одного из информантов, «три дня совсем уж дикого противостояния (13–16 апреля, кажется), когда на Мосту нельзя было положить цветы — там стоял дворник "Гормоста" и мгновенно все запихивал в мусорный ящик... пришли люди с цветами, подошел "Гормост" и стал орать, что цветы можно держать только в руках» (с. 20). После, как описывает Громов, «была скорректирована и борьба с мемориалом: теперь во время зачисток стали убирать портреты Немцова (о них ведь Путин не говорил), а цветы — оставляли» (с. 136). В это время, по рассказу другого информанта-активиста, «даже стали фотографировать мойку сами мостовцы, что цветы никто не трогает» (с. 136–137). В следующие недели «с цветами и портреты потихоньку вернулись» (с. 20, 137). В книге этот эпизод помещен в раздел «Дискурс закона» (V. 9), и президентская реплика здесь трактуется как «авторитетное публичное высказывание, которое не может не учитываться при исполнении служебных обязанностей» (с. 137). Замечание, разумеется, правильное, но не схватывающее один важный момент: поразительную гибкость репертуара действий в рамках одного и того же «дискурса закона» и, как ее следствие, пластичность формы мемориала.

Самый простой, хотя и радикальный, способ сделать исследовательскую схему чувствительной к изменению мемориала, его формы и материального наполнения, — отказаться от акцента на символическом характере «интеракционизма» и обратить внимание на взаимодействие по поводу материальных вещей: цветов, портретов, человеческих тел и др. Обратимся еще раз к стычке между дежурными моста и активистами SERB [Около мемориала… 2016, 13 июня]. В версии автора исследования мы здесь наблюдаем столкновение двух фреймов, в одном из которых мемориал служит «символом памяти и свободы», а в другом — «символом оранжевой революции» (с. 62–75). Переходя от реконструкции к исходному репортажу, мы обнаружим, что значительная часть споров посвящена не символам, а телесным взаимодействиям («он ударил», «дайте пройти»,

«отойдите») или материальным предметам, как они должны размещаться. Например:

– Отойдите от цветов!
– Подождите, здесь что? Это общественное место!
– Сколько раз громили?
– Это общественное место. Это не ваше место. Кладбище Немцова там находится.
– Его там убили, а не тут. Мы не рядом стоим.
– Я вам говорю, отойдите от цветов.
– На каком основании? Объясните мне.
– Здесь цветы стоят.
– Ну и что? Кто их сюда поставил, зачем?
– Я поставила.
– Зачем? Поставьте там, где убили. На кладбище отвезите [Около мемориала... 2016, 13 июня].

Увидеть материальные преобразования и споры вокруг них позволяет перспектива исследований науки и технологий (STS). Своего рода зеркальным отражением «символического интеракционизма» Дмитрия Громова — похожим даже в деталях, но направленным в другую сторону — выглядит теоретическая схема, предложенная Эдуардо Айбаром и Уибом Бейкером [Айбар, Бейкер 2017]. Изучая формирование городской застройки Барселоны, Айбар и Бейкер определяют ее как *артефакт*, материальную вещь, которая создается и меняется с помощью определенных технологий. Аналогом «фреймов интерпретации» в мире Айбара и Бейкера оказываются *технологические фреймы*: как и фреймы Громова, они привязаны к определенным социальным акторам (инженеры, архитекторы, рабочие), но главное в них — не символические значения, а требования к материальной среде и способы, которыми она может быть преобразована: ширина улиц в инженерном фрейме, украшение фасадов в архитекторском, уличные баррикады в рабочем. Городская застройка, которую мы обнаруживаем в итоге, представляет собой результат разнонаправленных воздействий разных технологических фреймов.

Та же логика столкновения технологических фреймов обнаруживается в конфликтах, крупных и мелких, на мемориале Немцова. Мемориал для его создателей не только «символ памяти и свободы», но и определенный формат расстановки вещей — табличка, флаг, портреты, цветы, лампадки и др. (с. 112–116) — который дежурные воспроизводят в каждом цикле разрушения-воссоздания. В других фреймах («хозяйственном», «административном», «политическом») те же самые вещи могут восприниматься как отклонение от правильного порядка («мусор» или «майдан»), которое должно быть исправлено. Соперничающие фреймы вряд ли могут убедить друг друга в правильности или ошибочности той или иной схемы, но результатом их взаимодействия может стать материальная форма, более или менее удовлетворительная с точки зрения разных фреймов. Цветы, расставленные по пластиковым вазам, флаг, прикрепленный к стулу, — примеры такого рода артефактов, созданных разнонаправленными усилиями.

Сдвиг исследовательского интереса от конфликта к поискам согласия, от символических интерпретаций к материальным вещам, — программа вполне реальная, но применимая уже только к будущему исследованию. Пока мы имеем дело с уже готовым, выполненным в логике конфликта символических интерпретаций. Мы должны быть благодарны автору и за настойчивость, с которой он следовал этой логике, и, одновременно, за этнографическую чуткость к интересным коллизиям, — они, возможно, ломают авторскую схему, но тем самым открывают новые перспективы.

Литература

Айбар, Э., Бейкер, У. (2017). Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны. *Социология власти, 29*(1), 203–232.

Александер, Дж. (2012). Уотергейт как демократический ритуал. *Социологическое обозрение, 11*(3), 77–104.

Архипова, А., Алексеевский, М. (Сост.). (2014). *«Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов*. Тарту: ЭЛМ.

Архипова, А., Кирзюк, А., Югай, Е., Козлова, И. (2018). «Мертвый и вечно живой»: как рождается и развивается культ Немцова в пространстве уличной акции (Тезисы). В *«Герой нашего времени»: лидеры общественного мнения и культы в эпоху (пост)модерности. Конференция 1–3 июля 2018 года*. Москва. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/theses/aleksandra-arkhipova-anna-kirzyuk-elena-yugay-irina-kozlova-rankhigs-moskva-mertvyy-i-vechno-zhivoy-/

Блумер, Г. (2017). *Символический интеракционизм*. М.: Элементарные формы.

Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

Громов, Д. (2012). *Уличные акции: молодежный политический активизм в России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Козер, Л. (2000). *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.

Около мемориала памяти Бориса Немцова произошла потасовка (2016, 13 июня) (Видео). *Телеканал «Дождь»*. Режим доступа: https://tvrain.ru/news/memorial_serb-411264

Титков, А. (2016). Восстание культурных механизмов: протест как языковая игра. *Социологическое обозрение, 15*(2), 208–232.

Alexander, J., Giesen, B., Mast, J. (Eds.). (2006). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (2011). Rethinkong Memorialization: The Concept of Grasroots Memorials. In: P. J. Margry, C. Sánchez-Carretero (Eds.). *Grassroot Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, 1–48. New York: New York University; Southhampton: University of Southhampton.

Santino, J. (2010). Spontaneous Shrines, Memorialization and Public Rutialesque. *Ritsumeikan University Institute for Research in Humanities Bulletin, 2010*(94), 51–65.

References

Aibar, E., Bijker, W. (2017). Constructing a city: The Cerda plan for the extension of Barcelona. *Sociology of Power*, *29*(1), 203–232. (In Russian).

Alexander, J. (2012). Watergate as a democratic ritual. *Russian Sociological Review*, *11*(3), 77–104. (In Russian).

Alexander, J., Giesen, B., Mast, J. (Eds.). (2006). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arkhipova, A., Alekseevsky, M. (Eds.). (2014). *"We are not Mute": Anthropology of 2011–2012 years protest in Russia*. Tartu: ELM. (In Russian).

Arkhipova, A., Kirzyuk, A., Yugai, E., Kozlova, I. (2018). "Dead and forever alive": Cult of Nemtsov, its emergence and development in the context of a public rally (Theses). In *"A Hero of our time": Public opinion leaders and cults in the age of (post)modernity. Conference, July 1-3, 2018*. Moscow. Retrieved from https://www.nlobooks.ru/theses/aleksandra-arkhipova-anna-kirzyuk-elena-yugay-irina-kozlova-rankhigs-moskva-mertvyy-i-vechno-zhivoy-/ (In Russian).

Blumer, H. (2017). *Symbolic interactionism*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Coser, L. (2000). *Functions of social conflict*. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noj knigi. (In Russian).

Goffman, E. (2000). *The presentation of self in everyday life*. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole. (In Russian).

Gromov, D. (2012). *Street Rallies: Youth Political Activism in Russia*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (In Russian).

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (2011). Rethinking Memorialization: The Concept of Grasroots Memorials. In P. J. Margry, C. Sánchez-Carretero (Eds.). *Grassroot Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, 1–48. New York: New York University; Southhampton: University of Southhampton.

Okolo memoriala pamyati Borisa Nemcova proizoshla potasovka (2016, June 13) [A Scuffle Occurred near the Memorial Dedicated to Boris Nemtsov] (Video). *TV Rain*. Retrieved from https://tvrain.ru/news/memorial_serb-411264. (In Russian).

Santino, J. (2010). Spontaneous Shrines, Memorialization and Public Rutialesque. *Ritsumeikan University Institute for Research in Humanities Bulletin, 2010*(94), 51–65.

Titkov, A. (2016). Rebelling Culture Mechanisms: Protest as a Language Game. *Russian Sociological Review*, *15*(2), 208–232. (In Russian).